

Среда, 8 сентября 1934 г.

№ 233 Годъ четырнадцатый № 239

Среда, 8 сентября 1934 г.

ПРИДОВОСНІИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Условия подписки съ доставкой, в приписках, городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ.

12 м.—9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р.
25 к., 8 м.—6 р. 50 к., 7 м.—5 р. 75 к., 6 м.—5 р., 5 м.—
4 р. 25 к., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 75 к., 2 м.—2 р.
1 м.—1 р.

За пересылку загранич. издм. добавлять 60 к. ежемѣсячно.

Подписка принимается съ каждаго 1-го числа.

За перемѣну адреса взимается 25 к.

За объявленія: за строку, занимаемую петитомъ на 1-й страницѣ, 20 к., на 4-й страницѣ—10 к.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.

За разсыл. приложеній при газетѣ—8 р. отъ каждаго тысяч.

Главная контора помѣщается въ Ростовѣ на Дону, на Бол. Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. вечера, въ воскресныя и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня. Отдѣльные нумеры въ Ростовѣ и въ отдѣленіяхъ—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

Различн. газеты помѣщ. въ Ростовѣ на-Дону, на Базарной Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Редакция для личн. общенія откр. отъ 12 до 2 ч. дня.

Статьи должны быть доставляемы съ подпискою и адресомъ автора. Принятая статья, по усмотрѣнію редакціи, подлежитъ измѣненію и сокращенію. Статьямъ безъ обозначенія условій считаются безплатными. Медія замѣты уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяцъ. Пересылку рукописей обратно авторамъ редакція на себя не принимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ отъ 10 до 1 часа дня. Тѣлофакъ редакція № 6.

Объявленія для газ. „Придвовосніи“ отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, находящихся въ С.-Петербурѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Привислянскомъ краѣ и загранично, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома „И.И. Метельникъ“ въ Москвѣ, въ домѣ Сытова, и въ его отапливаемомъ С.-Петербурѣ, на Б. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Краковск. пруду № 58—по таксъ: поланъ текста по 12 к., а заереди текста по 25 к. за строку петита или зажимаемое ея мѣсто.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Чеховскій міръ.

Наша действительность.

У.

У Чехова нѣтъ счастливыхъ людей. Все существованіе его персонажей — непрерывное мученіе. Личная жизнь каждого выведеннаго имъ лица неизбѣжно оказывается неудавшеюся. И когда пересматриваешь эту безконечную галерею несчастныхъ, которыхъ только и знаетъ Чеховъ, положительно жутко становится. Но наибольшій ужасъ причиняетъ знакомство съ тѣми типами, несчастіе которыхъ не только личное, которое страдаетъ особенно тяжело оттого, что живутъ не только личною жизнью. Такихъ людей, озабоченныхъ печальнымъ положеніемъ своихъ близкихъ, общимъ низкимъ уровнемъ жизни, дефектами нашей общественной жизни, въ произведеніяхъ Чехова также великое множество. И ничего не можетъ быть ужаснѣе существованія этихъ людей, проникнутыхъ общественною жилкою, такъ какъ наша действительность способна отравить существованіе всякаго, кто рѣшается присмотрѣться къ ней, кто способенъ интересоваться ею, кто болѣе общими болями, страдаетъ отъ общественныхъ язвъ.

Никто еще, ни одинъ самый ярый обличитель нашей жизни, не давалъ такого мрачнаго изображенія нашей действительности, какое даетъ Чеховъ. Только Гоголь въ свое время давалъ такіе же безнадежныя картины. Но тамъ мрачныя краски сиягались отъ болѣе или менѣе юмористическаго отношенія къ действительности и оттого, что Гоголь радостно съ самою ужасною картиною понималъ какого нибудь добродушнаго чело-вѣка, присутствіе котораго смягчало весь мрачный пейзажъ. Совсѣмъ иное представляютъ чеховскія изображенія нашей действительности. Онъ безпоощаденъ до конца и рѣшительно не имѣетъ въ виду хоть чѣмъ-нибудь смягчить ужаса изображаемыхъ имъ картинъ. И ужасъ этотъ еще усиливается отъ того спокойнаго, прямо эпического тона, какимъ онъ передаетъ намъ эти ужасы действительно-сти. И лишь иногда авторъ теряетъ спокойствіе и начинаеть говорить языкомъ пророка Іереміи, бросая проклятія этой чудовищно-ужасной жизни и тѣмъ, кто поддерживаетъ ее и можетъ существовать при ней, отчего ужасъ изображенія доходитъ до крайнихъ предѣловъ, за которыми онъ сталъ бы уже совершенно не пере-носимъ.

Когда появились «Мужики» Чехова, нашлись умники (заявившіе себя и въ печати), которые объявили, что Чеховъ — марксистъ и потому такъ намеренно мрачно изображаетъ деревенскую жизнь. Трудно себѣ представить болѣе вздоръ, особенно если принять во вниманіе, что радостно «Мужики» Чеховъ далъ «Мою жизнь», въ которой городъ и городская жизнь изображены съ такою безпоощадностью, которая способна въ отчаяніе привести. И что всего ужаснѣе — это безпоощадное изображеніе города и городской жизни представляется собою только фотографически вѣрное отраженіе действительности, какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться каждый, прочитавъ нижеслѣдующій отрывокъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не такъ именно живетъ любой изъ нашихъ городовъ, какъ это изображаетъ Чеховъ.

«Большая Дворянская и еще двѣ улицы лежали на готовое капиталы и на жалованье, получаемое чиновниками изъ казны; но чѣмъ жили остальные восемь улицъ, которыя тонули параллельно персты на три и исчисляли за холмомъ, — это для меня было всегда непостижимымъ загадкомъ. И какъ жила эти люди, стыдно сказать! Ни сада, ни театра, ни порядочнаго оркестра; городская и клубная библиотека посѣщались только старыми подростками, такъ что журналы и новыя книги лежали неразрѣзанными; богатые интеллигентные слезы въ гнѣсныхъ, душившихъ спальняхъ, на деревенскихъ кроваткахъ съ клопами, дѣтей держали въ отвратительныхъ грязныхъ похвѣньяхъ, называемыхъ дѣтскими, а слуги, даже старые и почтенные, спали въ кухнѣ на полу и укрывались лохмотьями. Въ скоромные дни лежало борщомъ, а въ постные — остринкой, жареной на подсолнечномъ маслѣ. Били не акусо, пили нездоровую воду. Въ думѣ, у губернатора, у архіепископа, всюду въ домахъ много лѣтъ говорили о томъ, что у насъ въ городѣ нѣтъ жаршей и дождовой воды и что необходимо заняти у казны дѣсять тысячъ на водопроводъ; очень богатые люди, которыхъ у насъ въ городѣ можно было насчитать десятка три и которые, случалось, проигрывали въ карты цѣлыя имѣнія, тоже пили другую воду и всю жизнь говорили съ азартомъ о водѣ, и я не понималъ этого. Никъ казалось, было бы проще взять и выложить эти дѣсяты тысячъ изъ своего кармана».

«Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго чело-вѣка. Мой отецъ бралъ взятки и взорваніе, что это дають ему изъ ула-женія къ его душевнымъ качествамъ; гни-лазники, чтобы перейти изъ класса въ классъ, поступали на хитрѣ къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена военнаго начальника во время набора брала съ рекрутѣ и даже позволяла угощать себя и развѣ въ церкви никакъ не могла поджиться съ копѣекъ, такъ какъ была пьяна; во время набора брали и врачъ, и городской врачъ и ветеринаръ обождали навозомъ и навозомъ лавки и трактиры; въ убо-гомо уличныхъ торговцахъ сѣмьдесятковъ, дававшихъ лавоту по третьему разряду; бл-го-честныя брали съ починочныхъ причетовъ а церковныхъ старостъ; въ городской, и-шанской и врачебной управѣ каждому просителю кричали вослѣдъ: «Благодаряте надолго!» — и просителю возвращалось, чтобы дать 30—40 к. А тѣ, которые взятокъ не брали, какъ, напр., чины судобнаго вѣдом-

ства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодною и узою сужде-ній, играли много въ карты, много пили, же-нились на богатыхъ и, несомнѣнно, имѣли на средѣ арестовъ, развращающее вліаніе». (XI т. «Моя жизнь», 130—1).

Эту общую характеристику город-ской жизни Чеховъ дополняетъ мно-гими чертами, которыя дѣлають кар-тину еще болѣе ужасною. Вотъ еще одинъ отрывокъ изъ той же «Моей жизни»:

«Мы приходили на память люди, все ана-комно люди, которыхъ медленно сжимали со саба изъ близости и родины, припомни-лись замученныя собаки, живые воровы, охипавшіе мальчишки, догони и брошен-ные въ воду, — и длинный, длинный рядъ глухихъ медлительныхъ страданій, которыя я наблюдалъ въ этомъ городѣ непрерывно съ самаго дѣтства; и мнѣ было непонятно, чѣмъ живутъ эти шестидесять тысячъ жи-телей, для чего они читають евангеліе, для чего молятся, для чего читають книги и журналы. Какую пользу имъ принесло все то, что до сихъ поръ писалось и говори-лось, если у нихъ все та же душная тепло-та и то же отвращеніе къ свободѣ, что было и сто, и триста лѣтъ назадъ... Эти шестъ-десять тысячъ жителей поколѣшьями чита-ють и слышатъ о правдѣ, о милосердіи и свободѣ, и все же до самой смерти дуть отъ утра до вечера, мучаютъ другъ друга, а свободы болотъ и не видятъ ее, какъ вра-га» (тамъ же, 196).

Картина городской жизни была бы неполна, если бы мы не привели здѣсь еще изображенія одной ея сто-роны — отношенія «благородныхъ» лю-дей къ «подлой чернѣ». Герой раз-сказа «Моя жизнь», сдѣлавшись ма-ляркомъ, даетъ на этотъ счетъ слѣду-ющее показаніе:

«Тѣ мои сограждане, о которыхъ раньше я не былъ никакою мѣшью, или которые съ вѣшной стороны представлялись впол-нѣ порядочными, теперь оказывались лю-дми низкими, жестокими, способными на вся-кую гадость. Насъ, простыхъ людей, обма-зывали, обманывали, заставляли по цѣлымъ часамъ дожидаться въ холмахъ сънѣжъ или въ кухнѣ, насъ оскорбляли и обража-лись съ нами крайне грубо. Осенью въ на-шомъ клубѣ я оклеивалъ обоями читальню и двѣ комнаты, мнѣ заплатили не семи ко-пѣекъ за работу, но приказали расплатить-ся по двѣнадцати, и когда я отказался воз-полнить это, то благообразный господинъ въ золотыхъ очкахъ, должно быть, одинъ изъ от-вѣстныхъ клуба, сказалъ мнѣ: «Если ты мор-завъ, будешь еще много разговаривать, то я тебѣ все морду пощиплю».

«Въ лавкахъ намъ, рабочимъ, сбывали тугомо масло, догнутую муку и спитой чай; въ церквахъ насъ толкала полиція, въ больши-хъ насъ обирали фельдшеръ и сѣдѣлки, и, если имъ бы бѣдности не давали мнѣ взят-ки, то насъ въ отместку кормили изъ грѣшной посуды; на почтѣ самая малопы-чливыя считали себя вправѣ обращаться съ нами, какъ съ живогными, и кричали грубо и нагло: «Обожди! Куда лѣзешь?» Но главное, что болѣе всего поражаало меня въ моемъ новомъ положеніи, это отсутствіе совѣдливости, именно то самое, что у на-шихъ оправдывается словами «Бога забманъ». Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшие намъ олени, и подвѣдники, и ребята, и сами за-казчики. Само собою, ни о какихъ нашихъ правахъ не могло быть и рѣчи, и сами за-работавшія деньги мы должны были всякій разъ выпрашивать какъ милостину, сто-я

у чернаго крыльца безъ шапокъ» (тамъ же, 151).

Какъ можно жить при этомъ сплош-номъ ужасѣ? И Чеховъ устами одно-го изъ безпокойныхъ людей, не мо-гушихъ примириться съ этою чув-ственною действительностью, даетъ намъ ключъ къ пониманію этой за-гадки. Это мѣсто такъ характерно, что мы приведемъ его здѣсь также цѣликомъ:

«Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздноіе сильныхъ, неискренность и ското-подобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невоз-можная, тѣснота, вырожденіе, пьянство. Ли-цензія, грязь... Между тѣмъ во всѣхъ до-махъ и на улицахъ тишина и спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ горо-дѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, гром-ко возмущился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провиніей, днемъ дѣла-ютъ ночью спать, которые говорятъ свою чу-пуху, женятся, стараются, благодушно ташатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые стра-дають, и то, что страшно въ жизни, проис-ходитъ гдѣ то за кулисами. Все тихо, спо-койно, и протестуетъ одна только статисти-ка: столько то съ уха сошло, столько то умеръ вынито, столько то дѣтей погиб-ло отъ нелюбви» (томъ XII, «Крыжов-никъ», 151).

Такъ живетъ городъ. Посмотримъ теперь, какъ живетъ, по Чехову, де-ревня.

Деревенская бѣдность, деревенскіе порядки были предметомъ изобра-женія безчисленнаго числа беллетри-стовъ. Но, кажется, еще ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ безпоощаденъ въ изображеніи ужасовъ деревенской жизни, какъ Чеховъ. Сколько разъ бѣдность деревни служила сюжетомъ для самыхъ потрясающихъ картинъ! Но ни одна изъ нихъ не въ состояніи произвести такого сильнаго впечат-лѣнія, какъ изображеніе праздни-чнаго обѣда въ «Мужикахъ» Чехова:

«По случаю праздника купили въ тра-ктирѣ солонку и варилъ похлебку изъ се-ледочной головки. Въ полдень всѣ съли-пить чай и пили его долго, до пота, и ка-залось, расохли отъ чая, и уже послѣ обѣда стали есть похлебку, всѣ изъ одного горшка. А солонку бабка спрятала» (т. XI, 95).

Довольно этой похлебки изъ селе-дочной головки, чтобы передъ читателемъ предстала деревенская нищета, — нищета не какихъ-нибудь исключительно бѣдныхъ людей, а заурядныхъ крестьянъ, обрабатыва-ющихъ землю, а зимою прирабатываю-щихъ разметкою шейка и вообще тру-дящихся цѣлый годъ не покладая рукъ, — несравненно рельефнѣе, на-гляднѣе, живѣе, нежели то дають цѣлыя томы статистическихъ исслѣ-дованій и цѣлыя сотни беллетристи-ческихъ произведеній, написанныхъ специально для того, чтобы ознако-нить насъ съ народною бѣдностью.

Праздничная похлебка для цѣлой семьи изъ одной селѣдочной головки — нужно ли прибавлять еще что-либо для характеристики положенія вещей, составляющаго въ деревняхъ цѣлыя

огромныхъ районовъ нашей роины обыденное явленіе? Чехову, однако, повидимому, показалось всего этого недостаточно и онъ прибавилъ еще одну черточку, особенно рѣзко под-черкивающую ужасъ положенія вещей. Въ той же избѣ авторъ сводитъ по-лового изъ московскаго «Славянскаго базара», потерявшаго здоровье на своей службѣ и прѣхавшаго умирать въ родную деревню, и стараго «гене-ральскаго повара», и заставляетъ ихъ вести, въ поученіе прочимъ членамъ семьи, бесѣду о котлетахъ маршала, биткахъ, разныхъ супахъ и соусахъ. Эта поучительная бесѣда въ избѣ, гдѣ люди даже въ большіе праздники балуютъ себя только похлебкою изъ селѣдочной головки, положительно убиваетъ читателя...

Также безпоощаденъ Чеховъ и въ изображеніи другихъ сторонъ де-ревенской жизни. Онъ относится къ на-роду, къ мужику, съ такою же объективностью, какъ и къ горожа-нину, къ интеллигентному россиянину. Онъ даетъ намъ жизнь такую, какова она есть въ действительности, не же-лая ни сентиментальничать, ни обви-нять тѣхъ, кто и безъ того задавленъ жизнью. Много говорилось и писа-лось о пьянствѣ народа. Но, кажется, еще никто не далъ такой поистинѣ подавляющей картины пьянства, какъ та, которую даетъ намъ Чеховъ:

«На Ильи пили, на Успеніе пили, на Воздвиженіи пили. На Покровѣ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропаяли 50 рублемъ общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣмъ дворомъ собирали на водку. Въ первый день у Чикильдаевыхъ зарѣзали ба-рана и ѣли его утромъ, въ обѣдъ и вече-ромъ ѣли помногу, и потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобы поестъ. Курьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропилъ всю, даже шапку и сапоги, и такъ былъ Марья, что ее отпывали водой. А потомъ всѣмъ было стыдно и тошно» (тамъ же, 112).

Грубость нравовъ проявляется во всѣхъ сторонахъ деревенской жизни. Свѣжаго чело-вѣка, напр., не можеть не поражать непрерывная и прямо чудовищная брань, носящаяся надъ нашою деревнею:

«Въ трактирѣ и около шумѣли мужики; они пили пьяными голосами, всѣ прозы, и бранились такъ, что Ольга только вздрагивала и говорила: «Ахъ, батюшки!» Ею удив-ляло, что брань слышалась непрерывно и что громче и долѣе всѣхъ бранилось ста-рикомъ, которыхъ пора уже умирать. А дѣти и дѣвушки слушали эту брань и нисколько не смущались, и видно было, что они привыкли къ ней съ колыбели» (стр. 96).

Казалось бы, что можетъ быть ужа-снѣе существованія «чело-вѣка» въ трактирѣ или ресторанѣ? Двадцати-часовой каторжный трудъ, отсутствіе хоть какого-нибудь собственнаго угла, питаніе обѣдками отъ гостей, постоя-нное униженіе чело-вѣческаго досто-инства «чело-вѣка» всѣмъ, кому этого закочется, — можно ли представить се-

бѣ что-либо худшее? И, однако, поло-вой Чекильдаевъ, попавъ въ родную деревню, вспоминаетъ объ этомъ ад-скомъ существованіи въ «Славянскомъ базарѣ», какъ о райскомъ житѣ, и когда ему становится слишкомъ ужъ невыносимо отъ прелести деревен-ской жизни, онъ надѣваетъ свой ла-кейскій фракъ, погладитъ рукава, по-держится за фалдочки и улыбнется, потому осторожно сниметъ фракъ, спрячетъ его въ сундукъ и ляжетъ, чтобы не видѣть всего ужаса окру-жающей действительности (107).

Ужасъ этой действительности еще болѣе усиливается оттого, что нѣтъ никакой надежды на ея измѣненіе и что никакъ не отыщешь, кто же въ ней виноватъ.

«Въ теченіе лѣта и зимы бывали такіе часы и дни, когда казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жигъ съ ними было страшно; они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живутъ несогласно, постоянно соо-рятся, потому что не уважаютъ, боятся и поношуютъ другъ друга. Кто держитъ ка-банъ и сплавляетъ народъ? Мужики. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школь-ныя, церковныя деньги? Мужики. Кто укралъ у сосѣда, подложка, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Мужики. Кто въ зем-скихъ и другихъ собраніяхъ первымъ ратуетъ противъ мужиковъ? Мужики. Да, жить съ ними было страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія. Тяжелый трудъ, отъ котораго по ночамъ полнѣе все тѣло жестока зимы, скудный урожай, тѣснота, а помощи нѣтъ и неоткуда ждать ей. Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помощи не могутъ, такъ какъ сами грубы, не честны, не трезвы и сами бранятся также отврати-тельно; самый великій чиновникъ или пра-витель обходится съ мужиками, какъ съ бранями, и даже старшинамъ и церков-нымъ старостамъ говорить «ты» и думать, что имѣетъ на это право. Да и можеть ли быть такая нибудь помощь отъ людей, коры-столюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣни-выхъ, которые надѣжаются въ деревню толь-ко затѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напу-тать?» (116).

Вообще, Чеховъ такъ же безпоща-денъ въ изображеніи отношеній ин-теллигенціи и народа, какъ и въ из-образеніи отдѣльной жизни той и дру-гого. Вотъ въ рассказѣ «На подводѣ» съ безжалостною разсѣиваются ил-люзии относительно значенія просвѣ-дѣтельной дѣятельности интеллиген-ціи, отдающей себя тяжелому труду въ интересахъ народа — въ школѣ, въ земской больницѣ и т. д. Условія работы въ школѣ таковы, что волей-неволей для работающаго въ ней оказываются «самымъ главнымъ» не ученики и не просвѣщеніе, а эк-замены.

«И когда тутъ думать о призваніи, о поль-зѣ просвѣщенія? Учителя, небогатые врачъ, фельдшеръ при громадномъ трудѣ не имѣ-ють даже утѣшенія думать, что они служатъ идѣ, народу, такъ какъ все время голова биваетъ набита мыслями о кускѣ хлѣба, о дражнѣ, плохихъ дорогахъ, болѣзняхъ. Жизнь трудная, конитерская, и выносили ее по-длогу только мучительные помыслы, въ

ролѣ этой Маріи Васильевны (учительницы); тѣ же живые, горячіе, впечатлительные, которые говорили о своемъ призваніи, объ идеальномъ служеніи, скоро утомлялись и бро-сали дѣло» (т. XI, 82).

Еще хуже стоитъ дѣло, когда за-дѣло оказанія помощи народу берется чело-вѣкъ не изъ-за нужды, не ради заработка, а по иллейнымъ побужде-ніямъ. Въ рассказѣ «Новая дача» дана поразительная картина тѣхъ недора-зумѣній, взаимнаго непониманія и, наконецъ, вытекающихъ отсюда вра-ждебныхъ отношеній, которыя такъ часто возникаютъ между «народомъ» и «интеллигенціей», желающей са-мымъ искреннимъ образомъ отдать свое время, трудъ и средства ради блага этого народа. Это — снова одна изъ самыхъ поразительныхъ картинъ, нарисованныхъ Чеховымъ, — ужасныхъ именно тѣмъ, что онъ отъ перваго слова до послѣдняго правдивъ.

Не лучше, или вѣрнѣе въ тысячу разъ хуже, обстоитъ дѣло въ другой области отношеній между народомъ и интеллигенціей — въ области всякаго рода служебныхъ обязанностей, вы-полняемыхъ интеллигенціей. Какъ из-вѣстно, «въ наше время, когда про-грессъ и цивилизація и проч.», какъ это было провозглашено въ 60-ые го-ды, взятки были упразднены, и съ тѣхъ поръ даже самые ярые обличы-тели недостатковъ нашей жизни осто-рожно обходили данный вопросъ. Всѣ хорошо знали и знаютъ, что взятки продолжались и продолжаютъ практико-ваться въ нашей жизни въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но уваженіе къ прогрессу русской жизни обязывало дѣлать видъ, что взятки уже нѣтъ. Чеховъ, съ своею обычною искрен-ностью, даетъ намъ цѣлую галерею взяточниковъ, а главное, показалъ, что взятки — самое обыденнѣйшее яв-леніе нашей жизни, къ которому всѣ привыкли и которое никому даже не рѣжетъ глаза.

Прочтите рассказъ «Холодная кровь»: здѣсь положительно всѣ берутъ взят-ки. Берутъ начальники станцій — ма-ленькихъ и большихъ, берутъ оберъ-кондуктора, машинисты, сиазички, словомъ, кто только можеть взять подъ какимъ бы то ни было предло-гомъ. И обыватель такъ привыкъ къ этому явленію, что оно не только не шокируетъ никого, но, напротивъ, всѣмъ принимается въ рассчетъ, какъ принимается въ рассчетъ, напримѣръ тарифъ на провозку груза, дорожныя расходы, гербовыя марки и проч. Вотъ, напримѣръ, прелестнѣйшая жанровая картина (къ слову сказать, прива-дшая въ ужасъ англичанъ, когда раз-сказъ былъ переведенъ по-англійски): насъ, конечно, такими картинками не испугаешь; скотопромышленникъ, ве-зущій въ Петербургъ скотъ, жалуется на безпричинный простой вагоновъ

на станціяхъ и на то, что у него скотъ падеть отъ голода. И тогда происходитъ такого рода сцена:

«Оберъ-кондукторъ поднимаетъ брови и выдвигаетъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хочетъ что то сказать: «Къ сожа-лѣнію, все это правда!» Машинистъ молчитъ и задумчиво оглядываетъ шапку. По лицамъ обомъ видно, что у нихъ какая то сама об-щая тайная мысль, которую они не смѣ-ываютъ не погумо, что хотѣтъ скрыть и, а потому, что подобныя мысли передаются молчаніемъ гораздо лучше, чѣмъ на сло-вахъ. И старикъ понимаетъ. Онъ лѣзетъ въ карманъ достаетъ оттуда десятирублевку и безъ предисловія, не меняя ни тона гово-ра ни выраженія лица, а съ увѣренностью и примотомъ, съ какими даютъ и берутъ вѣдъ взятку, одинъ только русскіе люди, читая бумажку оберъ-кондуктору. Тотъ молча-роетъ, складываетъ ее четверою я, не смѣ-ываетъ вѣ карманъ. Послѣ этого и-трое выходятъ изъ комнаты и, разбуравъ и-луги спящаго кондуктора, идутъ на платфор-му» (т. VII, 43-44).

Кондукторъ, однако, не подѣлился взяткой съ машинистомъ, и тогда пе-сѣдній начинаетъ такъ дергать поѣздъ, что всѣ быки падаютъ, и не избѣжаніе того, чтобы быки не пере-ломали реберъ или ногъ, приходится посылать трешницу и машинисту. За-является какой то черныи отъ сама субъектъ и объявляетъ, что два ва-гона «больные» и ихъ нужно отцепить. Приходится и этому субъекту дать взятку серебряною мелочью, а затѣмъ еще его «товарищу». На слѣдующей станціи оказывается, что поѣздъ ове-здалъ и теперь долженъ ждать своей очереди цѣлыя сутки. Снова ското-промышленникъ лѣзетъ въ карманъ, «вынимаетъ десятирублевку, под-нимаетъ, прибавляетъ къ ней еще двѣ рублевыхъ бумажки» — и дѣло улаже-вается, причемъ начальникъ станціи, молодой, интеллигентный чело-вѣкъ, «беретъ дѣлаетъ подъ козырекъ и грациозно суетъ себѣ въ карманъ».

Но не вздѣтъ же берутъ взятки? Богъ его знаетъ! Во всякомъ случаѣ, когда не берутъ, тогда дѣло стоитъ еще хуже:

«Леди, имѣющія служебное дѣловое от-ношеніе къ чужому страданію, напримѣръ, судья, полицейскіе, врачъ, съ теченіемъ вре-мени, въ силу привычки, захватываютъ до та-кой степени, что когда бы, да не могутъ отнестись къ своимъ клиентамъ иначе, какъ формально; съ этой стороны они ничѣмъ не отличаются отъ мужика, который на залоръ-кахъ рѣшетъ барановъ и телегъ и не замѣ-чаетъ кражи. При формальномъ же, безду-шномъ отношеніи къ личности, для того, что-бы неаппетитнаго чело-вѣка лишиться всѣхъ правъ состоянія и присудить къ каторгѣ, судья и-мѣетъ только одно время. Только время не создаваемо но-миками формальности, за ко-торымъ судья платитъ жалованье, а затѣмъ все кончено. Ища потомъ справедливости и защиты въ этомъ малопытномъ, грязномъ го-родѣ, за дѣлѣи веротъ отъ желѣзной дороги» (т. VIII, Палата № 6, 130).

Такова наша действительность. Каковы же порожденные ею люди? Я. Абрамовъ.